

Вспыхнул глубокий синий свет. Чу Цинюнь едва успел повернуться, как все трое оказались под прицелом сотен глаз и объективов. На экранах индивидуальных трансляций крупным планом вывели их лица — теперь камера ловила малейшее движение души, каждую мимическую дрожь.

— Брат Лун, — подал голос Шао Жань, исполнявший роль главного героя, Хань Чжисиня. Спектакль начался.

Чу Цинюнь мысленно чертыхнулся. Тех, кто мог подстроить ему эту подлость со стяжками, можно было пересчитать по пальцам одной руки, но сейчас было не до них. Ему оставалось лишь играть свою роль. Он стиснул зубы и отчаянно забился на полу. Ирония судьбы: его реальное положение до жути точно повторяло безвыходность положения его героя, Сяовэя.

Но жесткий пластик кабельной стяжки не поддавался. Тонкие, исхудавшие запястья врезались в глухую петлю, замок заклинило намертво — не вырваться.

— А-Синь, сколько ты уже со мной? — раздался голос Чэнь Сяоди.

Чу Цинюнь глубоко вздохнул и, затаив дыхание, натянул путы со всей силы. Лежа на боку, он не мог толком упереться, только зря тратил скудные силы. По лбу покатались крупные капли пота.

— Три года, — отозвался Шао Жань. — Тогда я оказался на самом дне, и если бы не ваше великодушие, брат Лун, я бы там и сгинул.

Бесполезно. Судорожные попытки освободиться сожрали последние остатки сил. Дало о себе знать истощение — после нескольких дней вынужденной голодовки у Цинюня резко упал сахар. В глазах поплыли темные пятна, голоса партнеров по сцене стали глухими, далекими, словно сквозь толщу воды. Вновь, как и прошлой ночью, к горлу подступила липкая, удушающая безнадежность.

Он продолжал биться, но движения его сделались механическими, заторможенными — так бьется в силках обреченное животное, прекрасно понимая, что надежды нет, но отказываясь покориться смерти.

— Три года... Целых три года, — процедил Чэнь Сяоди. В его голосе звенела неподдельная горечь пополам со скрытой угрозой. Он играл на удивление хорошо, точно передавая душевную боль своего персонажа, и вовсе не тянул сцену на дно, как опасался Цинюнь.

Но сам Цинюнь... Он стоял на пороге катастрофы. Через пару минут его выход, а руки скованы. Даже если он выкатится в центр сцены, сыграть финальный аккорд не удастся. Это гарантированный провал и вылет из шоу.

— Брат Лун, помилуйте... Как это возможно? — зазвучал ровный, уверенный тон Шао Жаня. — За девчонкой-репортером приглядывал А-Шэн. Вы же сами за этот прокол отрубили ему палец.

Голос Шао Жаня вернул его к жестокой реальности. Если их команда проиграет, жюри выберет для «раунда спасения» именно Шао Жаня. А его, Чу Цинюня, смешают с грязью за беспрецедентный срыв прямого эфира. Все мечты, тщательно выношенный план мести — всё полетит к чертям. Чертова Система! Зачем она вернула его в это тело? Только для того, чтобы он еще раз испил чашу унижения и бессилия, глядя, как у него крадут жизнь?

Силы окончательно оставили его. Он замер, безжизненно распластавшись по доскам, словно смирившись с неизбежным.

— Вот именно, А-Шэн лишился пальца и побежал сдавать нас легавым, — рявкнул Чэнь Сяоди. — А ты? Чем я тебя обделил? Или ты затаил обиду из-за той торговки рыбой, которую мы прикрыли?

Рыбачка... Мать Сяовэя.

По сюжету парень внедрил в банду только ради нее. Ее похитили, ее судьба неизвестна, а ее мучитель стоит прямо здесь. Сяовэй не имеет права безвольно лежать в кандалах!

Палец... Отрезанный палец А-Шэна. Пальцы?

В гаснущем сознании Цинюня вспыхнула шальная искра. В каком-то старом боевике герой, чтобы освободиться от наручников, выбил себе сустав большого пальца.

Секунды растянулись в вечность. Каждый вдох давался с трудом. Голод и удушающий приступ депрессии лишили его тело тонуса, затекшая рука онемела. Плевать на ракурсы, плевать на то, как он выглядит в объективах камер — Цинюнь уткнулся лбом в грязный настил декораций и судорожно выгнул спину.

Ослепленный софитами актер не видит зала. Цинюнь полагал, что лежит в глухой тени, незаметный на фоне ярких протагонистов. Но зрители уже не могли оторвать глаз от края сцены. Постепенно внимание публики раздвоилось: стоило лидерам замолчать в напряженной паузе, как взгляды сотен людей устремлялись к скорченной фигуре Сяовэя. Это рваное, гипнотическое переключение внимания создавало кинематографический эффект живого монтажа.

Зал заворуженно наблюдал за безмолвной драмой сломленного человека. Сначала гнев, потом угасающая надежда и, наконец, беспросветный мрак. Мокрая челка прилипла к бледному лбу, изможденное лицо выражало запредельную муку — казалось, этот мальчишка сейчас рассыплется в прах. Но он упрямо, как заведенный автомат, продолжал теревить путы, словно моля небеса о чуде.

И когда измученный юноша едва заметно перевернулся на спину, затаивший дыхание зал замер в предвкушении.

Тем временем на авансцене разворачивался диалог:

— Что вы, брат Лун! Ваша доброта ко мне безгранична. Неужели вы подозреваете меня? Вы же прекрасно знаете, что с этой торговкой мы едва знакомы, так, кивали друг другу при встрече.

Слова подельника, трусливо предающего память его матери, стали для Сяовэя последней каплей. Часть зрителей даже не успела перевести взгляд обратно на спорящих, как заметила, что челюсти притаившегося в углу парня судорожно сжались. Он завел связанные руки за спину, нащупал правой ладонью сустав левого большого пальца...

Сухой, отчетливый щелчок. Он вывернул собственный палец из сустава.

По залу прокатился приглушенный стон ужаса. В индивидуальном чате трансляции Чу Цинюня началось безумие. Камера высокого разрешения давала безжалостно четкую картинку: зрители у экранов увидели, как палец неестественно выгнулся под диким, уродливым углом. Зрелище напоминало реальную пытку средневековых инквизиторов. Особо впечатлительные люди вскрикивали и едва не роняли телефоны.

[Ого... Ну и самоотдача! Разве в оригинале такое было? Зачем так убиваться?]

[Боже, у меня аж суставы заныли от этого зрелища! Чу Цинюнь безумен!]

[Он реально спятил! Наносить себе увечья ради шоу?]

[О господи, вывихнуть сустав вживую! Это же адская боль!]

[Погодите, посмотрите на его запястье. Там под веревкой что-то блестит!]

[Пластиковый хомут? На репетициях ведь была обычная пенька! Похоже, там реальное ЧП!]

[У меня есть одна догадка... Но лучше промолчу. Смотрим дальше.]

Все произошло в одно мгновение. Пока Чэнь Сяоди и Шао Жань обменивались многозначительными взглядами, внимание публики было приковано к углу сцены.

Обезображенная, суженная до размеров запястья кисть левой руки попыталась проскользнуть сквозь путы. Цинюнь хрипло, со свистом дышал, таща руку вверх. Сердца сотен людей забились в унисон с его мучительным усилием. Забыв о фальшивых декорациях, о картонном

море и бутафорских обломках корабля, они затаили дыхание...

Но чуда не случилось. Рука застряла.

Атмосфера в зале сгустилась до предела, слышались тихие всхлипы. Чу Цинюнь на мгновение застыл с выгнутой спиной, а затем бессильно рухнул на доски. Он медленно, преодолевая слабость, перевернулся навзничь, глядя в темный купол сцены. Капли пота заливали глаза, смешиваясь со слезами боли и катясь по вискам.

Какая глупость... Пластиковая стяжка — это не стальные браслеты. Она врезалась в кожу, намертво зафиксированная храповым механизмом. Чтобы вытащить вторую ладонь, пришлось бы ломать суставы и на ней. Но левая рука, безвольно повисшая плетью, больше не слушалась.

Дикая боль усугубила приступ гипогликемии. Голова закружилась, пол под ним поплыл. Сквозь плотный гул в ушах пробился издевательский смех Чэнь Сяоди:

— Ах, просто знакомые? И ради этой «просто знакомой» ты послал своих людей на выручку? Жалкая баба, которая от одного окрика харкает кровью... С чего вдруг такая забота? Раньше ты помалкивал о ваших отношениях!

"Она?.. Мама?.. Но почему она харкает кровью?"

Голос Хань Чжисиня оставался внешне спокойным, но в нем уже сквозила паника загнанного в угол зверя:

— Говорю же вам, она просто продавала мне сигареты и выпивку, подкармливала иногда, вот и всё! Я понятия не имел, что вы ее заперли. Зачем вам вообще сдалась обычная баба?

"Зачем? Она ведь действительно была самой простой женщиной. Ходила на обычную работу, получала скромную зарплату и отдавала всю себя, чтобы вырастить его. Как она могла угодить в этот ад? Она ведь так дорожила жизнью, всегда просила его быть осторожнее... Стал бы такой человек по доброй воле покупать путевку в самое пекло Юго-Восточной Азии? Никогда!"

— Зачем? — Брат Лун сорвался на глухой, яростный рык. — Да эта тварь слила легавым карту нашей последней сделки! Из-за нее сотня наших парней либо гниет в сырой земле, либо коптит нары! И ты смеешь утверждать, что не при делах?!

"Кто заставил ее уехать? Семья Чжоу? Наверняка они! Не случайно переселенец в книгу объявился в их доме ровно в тот день, когда пропала мама. Из-за меня она сгинула без вести, а я... я валяюсь здесь, как подыхающий пес. Какая же я мразь..."

Хань Чжисинь не ожидал, что босс раскопает правду. Он замер, ошарашенный, и выдавил хриплое:

— И... где она теперь?

"Где ты, мама?.. Если бы ты увидела своего гордого, успешного сына в этой вонючей грязи, истощенного, полуживого... Ты бы разозлилась? Наверное, нет. Ты никогда на меня по-настоящему не злилась. Ну разве что в детстве, когда я капризничал за столом, могла в шутку шлепнуть диванной подушкой. Было совсем не больно. Ни в какое сравнение не идет с тем, как сейчас горит выбитый сустав. Но мамы больше нет. И плакать бесполезно — никто больше не пожалеет."

Над сценой прозвучали два коротких, безжалостных слова:

— Кончили ее.

"Убили?.."

Пустой, остекленевший взгляд юноши, устремленный в потолок, на мгновение сфокусировался. Его голова повернулась к говорившему — медленно, со скрипом, будто у сломанной механической куклы.

"Ее больше нет?"

Зал замер. Никто больше не следил за главными героями. Жюри, операторы, миллионы зрителей по ту сторону экранов — все взгляды скрестились на хрупкой фигуре в углу.

Сяовэй — наивный, чистый душой парень, готовый лезть в петлю ради друга, лелеявший простую мечту: заработать денег и подарить матери спокойную старость. И теперь эта мать мертва по его вине.

Зрители воочию наблюдали, как в глазах актера смирение уступает место дикому, яростному отрицанию, перерастающему в первобытное безумие. Весь привычный мир Сяовэя рухнул в одночасье.словно дикий зверь, сорвавшийся с цепи, он транслировал такую волну концентрированной ненависти, что по спинам присутствующих побежали мурашки — даже скованный, лежащий в грязи, он пугал до усрачки. Но никто не смел осудить его за эту ярость. Слишком велика была его боль.

А Хань Чжисинь — истинный виновник трагедии, предатель, упрятавший его под замок, — продолжал разыгрывать крайнее изумление:

— Как... мертва?!

В этот момент из зала снова долетел испуганный выдох. То, что произошло дальше, выходило за рамки обычного театрального представления. Такое можно было ожидать разве что от профессиональных гимнастов-акробатов.

На клочке палубы, зажатый бутафорскими обломками, Чу Цинюнь начал свиваться, ломая геометрию человеческого тела. Он закидал ноги назад, выгибая позвоночник по невероятной, пугающей дуге. Шея натянулась струной, очерчивая изящный и одновременно жуткий силуэт погибающего лебедя. Но в его взоре не было смиренной грации — белки глаз налились кровью, расширенные зрачки затопила непроглядная тьма безумия и животной злобы.

Задыхаясь от нахлынувшей судороги, он все-таки дотянулся ступней до связанных за спиной рук. Поза казалась дикой, гротескной, но никому в зале и в голову не пришло рассмеяться. Напряжение было осязаемым. С лицом-маской юноша уперся пяткой в замок стяжки и начал с силой давить назад.

Пеньковая веревка давно соскользнула, обнажив впившийся в кожу белый пластик хомута. Хомут сидел намертво, и парень фактически сдирал собственную плоть, пытаясь выдавить замок. Жесткая лента резала кожу, по запястьям заструилась багровая кровь, но он не ослаблял нажима, словно полностью лишился болевых рецепторов.

— Что там такое?! — раздался чей-то панический выкрик в партере. Кое-кто наконец разглядел блеск пластиковой стяжки.

В режиссерской будке воцарился хаос. Главный режиссер Фэн вскочил со своего кресла, уставившись на мониторы:

— Что за хрень?! Кто затянул его хомутами?! Немедленно снимите его со сцены! Помогите ему!

Администраторы ломанулись за кулисы, но не успели. С безумным, отчаянным хрипом Цинюнь сделал последнее, сокрушительное движение ногой. В тишине зала, сквозь тревожный саундтрек спектакля, отчетливо прозвучал сухой резкий щелчок лопнувшего замка.

А в центре сцены Чэнь Сяоди продолжал цедить заученный текст, равнодушно, словно раздавил назойливую муху:

— Раз кончили — значит, мертва. Чего развылся? Хочешь кости ее прибрать?

Основной диалог подошел к концу.

— Ублюдок... — сорвался с окровавленных губ Сяовэя беззвучный хрип.

Опираясь на локти, он рывком поднялся на колени. Дрожащие пальцы правой руки скользнули за пазуху и извлекли бутафорский клинок. В следующее мгновение он сорвался с места. Движение было настолько стремительным, что объективы камер смазали картинку.

— Тварь! Я убью тебя! — взвыл он, обрушиваясь на врага.

Чэнь Сяоди физически не успел уклониться от этого ураганного выпада. Окровавленный силуэт настиг его в долю секунды.

И тут сцена пошла не по сценарию. Вместо легкого касания, за которым должен был следовать красивый разрыв дистанции, Цинюнь с размаху опрокинул Чэнь Сяоди навзничь, вбив телескопическое лезвие прямо ему в плечо. От неожиданного удара Сяоди растерялся. Он поднял глаза и столкнулся взглядом с Цинюнем. На него смотрело бледное, дьявольски красивое лицо, искаженное первобытным безумием. Этот взгляд парализовал Чэнь Сяоди — он напрочь забыл текст и тупо уставился на партнера.

Положение спас Шао Жань. Мгновенно сориентировавшись, он силой оттащил обезумевшего парня в сторону:

— Сяовэй, ты с ума сошел?!

— Убью, щенок! — наконец пришел в себя Чэнь Сяоди. Он вскочил, на ходу выхватывая бутафорский пистолет.

Шао Жань вклинился между ними, раскинув руки:

— Нет, не стрелай!

Очередность реплик сбилась, но нерв сцены от этого натянулся еще сильнее.

Впрочем, публика этой заминки даже не заметила. Половина зала все еще отходила от шока, глядя на окровавленные запястья и неестественно свисающую кисть левой руки Цинюня, а другие заворуженно ловили каждое изменение его лица, потрясенные этой чистейшей, незамутненной ненавистью.

— Да, я сошел с ума! — выплюнул Сяовэй. — С ума сошел, когда решил вытащить тебя из дерьма! Если бы я не ввязался в ваши грязные дела, моя мать была бы жива!

Его взгляд, полный ядовитой злобы, полоснул по Хань Чжисиню и снова сфокусировался на Брате Луне.

— Прочь с дороги! Дай мне прикончить эту тварь!

— Мать, говоришь? — Чэнь Сяоди окончательно справился с испугом.

Глядя на задыхающегося от боли и ярости соперника, он вдруг ощутил странный, темный прилив триумфа. Внутренний садист, дремлющий в каждом человеке, ликовал: видеть, как это невероятно красивое, изящное создание бьется в истерику у твоих ног, зная, что ты хозяин его

судьбы — от этого захватывало дух. Это было дьявольски эстетично. Разве есть на свете зрелище упоительнее, чем крах и агония гордого безумца?

В этот миг Чэнь Сяоди по-настоящему слился со своим персонажем. Он высокомерно вздернул подбородок и криво усмехнулся:

— А, так ты тот самый сопливый малек-рыботорговец?

Ослепленный яростью Сяовэй вновь бросился вперед, но его опять перехватил Хань Чжисинь. Брат Лун продолжал глумиться над парнем, попутно прощупывая своего доверенного помощника. Слои за слоями маска благородного соратника слетала с Хань Чжисиня. Лицо босса леденело — им двигала не обида за предательство, а уязвленная гордость диктатора, чью безграничную власть посмела оспорить какая-то придонная грязь.

Сцена закрутилась в стремительном вихре борьбы. После короткой, яростной потасовки Брат Лун навел дуло пистолета на Сяовэя, но Хань Чжисинь, стремясь уберечь мальчишку, рванулся наперерез и принял пулю грудью. Выстрел заставил босса дрогнуть. Этой секундной заминки хватило, чтобы обезумевший от горя Сяовэй вогнал клинок ему прямо под ребра.

Музыка оборвалась на полуслове. Хань Чжисинь медленно осел на пол, прижимая ладонь к раненой груди. Над залом повис тяжелый, прерывистый хрип Сяовэя. Брат Лун стоял, качаясь, его зрачки медленно расширялись, устремляясь в пустоту. На его лице застыл немой вопрос: как такое возможно? Как жалкий, загнанный в угол щенок сумел загрызть вожака стаи?

Свет померк. Тяжелый бархатный занавес медленно пополз вниз, скрывая застывших в финальной мизансцене актеров.

Обычно в этот момент назначенные зазывалы в зале начинали хлопать, увлекая за собой толпу. Но сейчас в студии царило гробовое безмолвие. Ни единого звука, ни вздоха.

Тишину нарушил один человек. Седовласый, подтянутый старик — режиссер оригинального фильма «Агент под прикрытием» — медленно поднялся со своего места. Его ладони соприкоснулись в уверенном, гулком хлопке.

И через долю секунды зал взорвался оглушительными, несмолкаемыми овациями.